

ОКСАНА ОСА

Небо
уґало
на
город

18+

Оксана Оса

Небо упало на город

«Автор»

2026

Оса О.

Небо упало на город / О. Оса — «Автор», 2026

Каф потерял семью год назад. Небо упало на один из городов Люменоры. Отчаявшийся, он придумал дерзкий план: найти звезду-душу жены. Для этого он слой за слоем наносил татуировки, чтобы овладеть магией, проник на пиратский корабль, добыл звезду, сотворил для жены новое тело. И вот он - долгожданный момент оживления. Но женщина, которую он вернул к жизни, оказывается вовсе не его женой. Элорианн - астрофизик с Земли, и вся ее жизнь принадлежала изучению звезд. В новом для нее мире, где звезды - это души, а не гигантские светила в космосе, ее ждут испытания, несравнимые с научным прошлым. Но именно ее знания помогут ей спасти Люменору.

© Оса О., 2026

© Автор, 2026

Оксана Оса

Небо упало на город

-1-

Каф нырнул в тучу, чтобы его не засекли огни пиратского корабля. Он помнил, что приближаться к нему и тем более забираться внутрь – безвременью подобно. Он помнил, что оттуда никто не возвращается – ни у кого не хватает сил преодолеть притяжение и вырваться из объятий пространства. Но для него это был единственный способ вернуть душу погибшей жены, а, значит, – единственный шанс самому вновь стать живым. И Каф, ослепленный молниями, цеплялся за сгустки воды внутри тучи, лишь бы удержаться и не потерять высоту. Он понимал, что ноги вот-вот провалятся сквозь невесомую материю: его магия была нестабильна. Это злило, это выводило его из себя даже больше, чем необходимость ждать.

Как назло, бури в том сезоне были редкими. Целый месяц миновал и не пригнал даже маленького дождя. А два рассвета назад случился туман, предвестник скорых морозов. Воспоминание пробрало его не хуже, чем промозглая туча:

<

– *Будь благоразумен, Каф, – твердил Альдерамин, мой друг и тоже маг. – Потерпи.*

– *Потерпеть? Три месяца, пока морозы не спадают? Зачем я торопился по-твоему? – в который раз сорвался на того, кто затягивал песни о терпении, и сунул свои татуировки ему под нос, – это все тогда зачем, а?*

Альд не ответил, лишь покачал головой...

>

«Надо собраться», – твердил Каф себе, выглядывая в ночь. Электрические разряды еще витали после удара молнии: слишком близко от него. Корабль плавно шел своим курсом: плыл по воздуху, рассекая бесшумно небо. У него был плоский и круглый как кремниевый диск корпус, весь в царапинах от молний. Корабль идеально сливался с тьмой так, что Каф еле его выследил. И то благодаря мигнувшим сигнальным огням на крыльях-лопастях, которые распорили соседнюю тучу: ударь такой по голове, и Каф упал бы с высоты без сознания. Оттого он и спрятался от неожиданности и страха, что его заметят. Одетый во все черное, в черном плаще, мужчина с сияющими перламутром волосами все же мог остаться заметным. «Сейчас или никогда», – подумал маг. Пора было решаться.

На плоской палубе стояли три фигуры в плащах, таких же черных, как ночь. Из под капюшона у них вырывались ошметки бездны, смешанной со звездной пылью, оттого что каждый из них когда-то поглотил звезду. Пираты... Они искали звезды теперь и над Орионом: городом, где Каф, наконец, застал бурю. Он сжал челюсть, стараясь не срывать в воспоминания о другом городе, более не существующем. Было слишком больно думать о нем. Зато сегодня тучи скроют звезды, а значит жителям Ориона волноваться не о чем.

Каф втянул воздух. Ему нужно было незаметно и, желательно, бесшумно приземлиться на борт. И с незаметностью вопрос был почти решен – он скрестил руки и провел ладонями от плеч до локтей, темные татуировки засияли по всему телу и сделали его невидимым. Каф выругался: *почти* невидимым. Воздух искажался, выдавая его черты, но в остальном сливаясь с пространством. Он подумал, что ночь так или иначе скроет его. И заодно помолится всем звездам, еще остававшимся на полотне неба. Святую Виндемиатрикс Каф побоялся беспокоить после того, как решил изуродовать свое тело ради магии.

Сигнальные огни мелькнули снова. У него была пара минут, чтобы осуществить задуманное. Каф набрал воздуха в грудь, сделал пас рукой, как будто закручивал воздух в воронку, уцепился за нее и прыгнул в ночь. Туча. Еще одна. Он отталкивался от них либо перепрыгивал, хватаясь за невидимое лассо из потоков воздуха. На очередном приземлении поток пре-

кратился, и Каф еле удержался: провалился в тучу, выругался, приник. До корабля оставалось каких-то два-три пролета.

Снова мелькнули огни. Каф затаил дыхание, проверил свою невидимость (сгодится), ухватил новый поток воздуха, оттолкнулся от тучи и в два прыжка преодолел расстояние. Завис над бортом, цепляясь за поток, чтобы мягко приземлиться. Готово! Пираты даже не повернулись в его сторону. Они дежурили по периметру, каждый высматривал на небе звезды.

Каф ощутил, как его начало притягивать к центру корабля, где зияла чернильная бездна. То, чем пугали в детских песнях, не было выдумкой – он чувствовал, как его неотвратимо тянуло в безвременье. И уже не был так уверен, что сможет выбраться оттуда.

Мгла поглотила его в лабиринтах пространства.

<

– Они не станут истинно черными, если наносить их так быстро, – хмурился Фомальгаут, мастер радужных татуировок, к которому меня привел Альдерамин.

– Надо сделать все быстро!

– Но, Каф, магия может работать неправильно...

– Я готов рискнуть! – ослепленный своей смелой идеей, я был готов и к боли, и к остальным последствиям. Лишь бы вернуть жену!

>

Каф не видел ничего вокруг себя. Он парил, пока не нащупал над головой гладкий пол, исхитрился подтянуть ноги выше головы и «приземлиться». Выпрямился, но его продолжало шатать, будто пол смещал равновесие.

«Надо идти вперед», – решил мужчина. Сделал неуверенный шаг: определить, где перед, где зад в темноте было как-то сложно. Второй шаг дался ему легче, а с третьим пол замер. Но зато спустя два шага Каф врезался в стену, отчего решил, что назад он все-таки пришел. Как в этой крошечной тьме можно было определить что-то кроме своего тела, он понятия не имел. А ведь ему предстояло найти хранилище звезд. Повернувшись спиной к стене, он зашагал быстрее, будучи уверенным, что дорога куда-нибудь да выведет его, но вдруг понял, что идет он по боковой стене и его неуклонно тянет другое дно.

– Да что это такое? – сплюнул он и почувствовал, как плевок попал на руку. Странное пространство искажалось во все стороны. Каф то терял равновесие, то находил себя вверх ногами, то зависал в пространстве, то падал с немыслимой силой на новый уровень. То, что шаг назад было полом, вдруг выворачивалось в потолок и лишало его всякой опоры. Это продолжалось бесконечно и в то же время у него было ощущение, что не прошло ни секунды с того момента, как бездна затянула его. О том, что ему не мерещились перемещения, подсказывали нившие кости да ссадины. Каф давным-давно запутался. Одна радость все же была, подумалось ему: до сих пор в своих блужданиях он не встретил пиратов.

С новым шагом он почувствовал, будто его сначала вытянуло, потом сплющило и выбросило в другое пространство. О том, что оно новое, Каф догадался по изменившейся температуре и густому воздуху – его было сложно вдыхать. Приходилось растягивать ноздри, чтобы хоть как-то втянуть в себя массу.

«Да маг я или не маг, в конце концов?» – психанул он, выставил руки вперед, сжал кулаки и резко разжал пальцы. Татуировки разорвали крошечную тьму, но лишь на мгновение, и привиделся ему искривленный гравитационный каркас корабля, сложносочиненный многоэтажный лабиринт с затейливыми конструкциями-переходами. Вокруг него образовалась пустота. Но это не было вакуумом: воздух втягивался как обычно.

– Уже лучше, – пробубнил Каф вслух, а про себя порадовался, что магия сработала как нужно. – Теперь так. – он постучал ладонью себе в грудь, мысленно произнес «Веди меня». Преодолеть лабиринт самостоятельно он уже не надеялся. Вытянул руку, ухватил пространство и резко притянул к себе.

Через сколько слоев он пронесся – одной бездне известно, но нашел себя Каф в тоннеле без углов и без края. Полным звезд... У Кафа в груди от волнения запульсировал кварц. Звездами было усыпано все: от места, где он стоял, вокруг и вдаль. Одни звезды сияли ярче, другие еле светились, третьи были синими, четвертые отливали красным.

«Как мне тебя найти, любовь моя?» – взвыл Каф. Они казались одинаковыми. Звезды как звезды. Но нет: все они – души. И где-то среди них нежно светила душа его погибшей жены, именно ради ее спасения он и затеял столь опасное путешествие на пиратский корабль.

– Где ты, Мирах? – прошептал Каф. Он всматривался в каждую звезду, боясь пропустить, боясь не узнать. – Подскажи, отзовись.

Ни одна звезда не ответила, не мигнула, не заискрилась. Все они мягко вибрировали и тихо пели про вечность, в которой забылись глубоким сном. Шаг за шагом он шел по тоннелю с надеждой хоть что-то почувствовать. Ноги немного вязли в желеобразном полу. Невидимость спала сама собой, и его руки с перламутровой кожей сканировали искусственную тюрьму, в которой пираты заточили свои трофеи.

«Должен же я как-то узнать ее?» – бесконечно задавался одним и тем же вопросом Каф. Он боялся признаться даже самому себе, что зря все затеял. В его горле запершило от воспоминания:

<

– Она – все, что у меня было! – я снова изливал душу брату. Он единственный, кто мог меня тогда выслушать и вытерпеть. Безумный план с обретением магии еще не родился в моей голове, и я не находил себе места после катастрофы.

– Ты никогда ее не ценил, и вдруг решил вернуть? – удивился Алькор и скривился. Сначала он просто сочувствовал моему горю и поддерживал как мог, но в то утро... Ему надоело.

– Не говори такого! Я ее любил! Я был верен ей!

– Ты изменял ей не с женищинами, а с городами и бесконечными путешествиями, – выдал жестокую правду брат.

– Может, это она изменяла мне со своей тишиной дома, которую я вынести не мог! – наш спор зашел в тупик, потому я собрал свои вещи – их было немного, ведь все осталось в руинах города. Вся моя жизнь осталась под пластами упавшего неба.

Тогда я и решил, что нужно что-то придумать ради ее спасения.

>

Каф громко вздохнул, сжимая челюсти. Никому не удалось отговорить его от сумасбродного, дерзкого плана! Он нанес все татуировки, цвет за цветом; он вытерпел всю боль; он стал изгоем в обществе; зато обрел магию, и вот он здесь! Ради нее. Звезды внимали его чувствам, но оставались безмолвными.

Каф сжал кулаки. Голос сорвался на крик и эхом раскатился по тоннелю: «Отзовись! – зовись! – вись!». Он едва сдержался, чтобы не ударить по звездному полотну.

Мужчина не знал ни одной магической манипуляции, которая могла бы опознать душу его жены среди миллионов звезд. Каф перебирал в голове цвет за цветом, вспоминая уроки Альдерамина, но не находил ни единой подсказки. А ведь он знал, что где-то на корабле есть хранилище звезд. Так почему же он думал, что будет так просто найти нужную?

«Какой же я дурак!» – ругал себя мужчина. От злости он распахнул объятия, распластал пальцы, мысленно приказал «Ищите» и побежал что есть силы по тоннелю. Черный плащ развеивался позади. Под его тяжелыми шагами жележное полотно пошло волнами. Потрявоженные звезды запели громче. И вдруг он услышал ноту, от которой сжался кварц. Легкое «-а-аф», будто кто-то его звал. Каф затормозил. Пошатнулся. Огляделся.

– Кто меня звал? – борясь с приступом надежды, спросил он.

«А-а-аф», – пела одна из звезд.

– Где ты?

Россыпь звезд у его ног как будто замерла, прислушиваясь к соседке. Он нагнулся, рассматривая их и пытаясь понять, которая из них его звала.

– Как я тебя узнаю?

Звезда загорелась ярче на миг.

Он *нашел* ее. Он нашел *ее*!

– Любимая...

Каф было потянулся к ней, но низкий темный голос над головой заставил его вздрогнуть:

– Ты кто?

Маг резко поднял голову. Перед ним стоял один из пиратов в плаще, сотканном из смерти звезд. У него не было лица, как думал Каф, полагая, что за иллюзией чернильной бездны, вырывавшегося из под капюшона, кроется кто-то, похожий на него. Ошибся.

– А ты кто? – брякнул, не подумав, Каф и выругался про себя.

– Толиман, – удивленно ответил пират и лишь потом понял, что сглупили они оба, и рассвирепел. – Я тот, кто принесет тебе смерть! – грянул он, отчего у Кафа пересохло во рту. Но следующая фраза пирата чуть уменьшила риск умереть здесь и сейчас. – Ты что вообще тут делаешь?

У Кафа и на этот вопрос не нашлось ответа. Он вообще не думал, что будет, если встретится на его пути такой пират. Во всем плане сквозила его импульсивная натура. Каф сглотнул и выпалил первое, пришедшее в голову:

– За звездой пришел, – а затем, не теряя ни минуты, пока Толиман не сообразил, что может расправиться с нежеланным гостем одним взмахом плаща, нахально просунул руку в полотно. Вязкая субстанция оказалась ледяной, но Кафа и это не остановило. Он по локоть увяз в неведомом желе, но дотянулся до звезды и, довольный, вытащил ее. Звезда оказалась горячей и колючей.

– Ты что творишь? – возмутился пират. – А ну верни на место! – он замахнулся плащом, но Каф отскочил.

«Как же теперь от тебя скрыться, страшила?» – метался от одной идее к другой Каф. От страха он сжал звезду в кулаке и едва ли не вскрикнул: она прожгла его перламутровую кожу. Запах паленого смешался с болью, пока Каф, спотыкаясь, бежал от Толимана.

«Благо, что у верзилы нет оружия!» – даже в напряженные минуты Каф считал себя другом фортуны. Слабоумным и отважным везунчиком. А потому и решился на ускоренный курс нанесения всех семи татуировок – слой за слоем, цвет за цветом. Знал, что как-нибудь все получится.

– Отойди от меня, – махал руками Каф.

– Отдай звезду! – орал Толиман.

– Она моя!

– Она канула в вечность!

– Так вы ее и канули раньше времени!

– Верни ее!

– Это моя жена!

Толиман неожиданно замер, чем и воспользовался Каф. Между ними было не более пяти метров. Оба стояли и смотрели друг на друга. Каф не был уверен, чем именно смотрело на него существо в плаще, но он чувствовал его всепоглощающий взгляд по всему телу от черных сапог, которые Каф с большим трудом достал в каком-то городе, до сияющих радугой прядей волос, выбившихся из капюшона.

– Ты отсюда не выберешься, – усмехнулся пират.

– Я этого еще не проверял.

– Отсюда никто не может выбраться.

– Но вы то как-то умеете это делать, – упорствовал Каф.

– Мы иначе управляем пространством. Не так, как вы, жалкие светлячки.

Это было обидно. Светлячки! Да назови кто-то так Мицар, сестру Кафа, она бы за светлячка голову открутила. Но заинтересовало Кафа другое: пространство. А раз магии пространства и сам Каф был обучен, то он решил рискнуть:

– Догони!

Каф сунул звезду в сумку, болтавшуюся поперек тела, завращал обеими руками и ударил в ладони, когда закрутил достаточное, на его взгляд, пространство между рук. Хлоп!

-2-

Кафа шлепали по лицу, пока он лежал без сознания.

– Свалился с неба как будто, – пробасил кто-то над головой.

– Нет, нет. Он раз и здесь. Ниоткуда появился, – упорствовал второй, такой же суровый низкий голос.

– А я говорю – свалился.

– Ты видел, как он падал?

Спорили двое.

– И кожа какая-то странная у него, – первый оттянул щеку, проверяя.

– Да обмазался чем-нибудь. Вон, на волосы посмотри, сопли блондинистые переливаются как у... тьфу!

– Угу. А чего он тогда тут валяется?

– Обкуренный, что ж еще.

Каф очнулся, но глаза не спешил разлеплять. Сумка была на месте: ее тяжесть ощущалась на груди. А раз сумка со звездой была при нем – все остальное не имело значения. Он прислушался и понял, что рядом кто-то разговаривал, но маг совершенно не понимал языка. «Наверное, обитатели кремниевых пустошей», – пронеслось в его голове. В скольких городах успел побывать Каф – не сосчитать, а вот в пустоши его ни разу не заносило. С трудом, он все же разлепил глаза.

– Матерь Божья, ну точно чудик! – перекрестился один из незнакомцев. Второй мужчина попятился. Глаза – вот, что их напугало. Жемчужная радужка без намека на зрачок выдавала в нем жителя другой планеты, о которой и подумать не могли земляне.

– Слышь, ты... это... на какой праздник так вырядился?

Вместо того, чтобы разглядывать незнакомцев, Каф уставился на окружающие строения и замер. Ничего из увиденного не напоминало по описаниям пустоши. Никаких скалистых бесцветных пейзажей, лишенных растительности: наоборот, он видел непонятные ему сооружения вперемешку с деревьями, кустарниками и цветами – куда делись пестрые сады и почему местные деревья были сплошь зелеными и без плодов? Маг подумал, что звездная пыль не долетает на эту сторону, оттого и люди и деревья здесь не сияют. Оглядевшись, Каф понял, что находится рядом с рекой, заросшей по берегам кувшинками. Никогда таких рек он не видел: огражденная, река не разливалась широким полотном, а спокойно текла, словно шептала о том, как ей неудобно.

– Ты глухой что ли? – терял терпение один из незнакомцев.

– Рутгер, да он из обсерватории сбежал.

– А выглядит как пришелец.

– Даже если так, все равно по их части. Потасили.

Каф, заглядевшийся на свое отражение в темной воде – он был светлым пятном, не считая одежды – подскочил, когда незнакомцы потянулись за ним. Но подъем вышел рваным и неуклюжим: тело Кафа будто потяжелело, и двум незнакомцам легко удалось схватить высокого, но стройного мага. Это были рослые мужики с могучими плечами: в тот день они вызвались подмести улицу, из-за чего и наткнулись на чужака. Вырываясь, Каф не мог применить

магию: руки развели в стороны и крепко удерживали странные существа. При всем их сходстве – те же руки, ноги, голова – цвет их кожи отличался от перламутровой бледности жителей Люменоры. Они казались Кафу грубыми, с истершейся ветрами кожей и дюжину лет не принимавшие ванную со звездной пылью.

– Да куда ты дергаешься?

– Держи крепче его, Даан. Может, он еще и психованный.

Подгоняя крепкими словцами Кафа, Рутгер и Даан потащили его через аккуратный парк до дверей Лейденской обсерватории. Здание в светлой гамме и с затейливыми рельефами на фасаде понравилось Кафу, но угловатость строения, так непохожая на все, что он видел ранее, все еще вызвала у мага вопросы: что это за место и не ошибся ли он в играх с пространством. Был ли это неизвестный город, отдаленный от Великого океана, куда стекаются жить уродливые люменорцы? Маг думал, что подобные истории – вымысел. Но сегодня многое оказалось слишком реальным.

Каф мог простить им любой цвет кожи, поскольку он сам уже не был идеальным, но глаза! Подобно лунному камню, глаза всех его знакомых источали свет, сияние и чистоту души. Эти же существа были лишены всякой красоты. В сумерках он не смог разглядеть настоящий цвет радужки, а потому увидел лишь бездонные черные зрачки, и это его напугало сильнее всего.

О случайной магической ошибке в пространстве Каф, конечно же, предпочитал не думать, но воспоминания липли к нему, как нектар.

<

– А если я неправильно рассчитаю волны пространства? – это был один из вечеров, когда я, обмазанный вонючими травяными мазями и замотанный в листья барданы после нанесения очередного слоя татуировок, лежал на крыше в доме друга. Тело болело, вскрывшиеся цвета жгли, новая магия пропитывала мышцы и разбавляла воды океана во мне. А потому лучшие всего было лежать и просто ждать, пока не закончатся мучения. Мы вместе смотрели на звезды и рассуждали о магии.

– Значит, окажешься не в том месте, в котором планировал, – пожал плечами Фомальгаут.

– И надо отмотать назад?

– Надо знать, куда ты хочешь попасть, – усмехнулся друг. Порой он был ужасно прямолинейным. И тогда я понял, что без незнания цели к магии пространства даже прикасаться нельзя.

– И ты всегда попадаешь куда нужно?

– Конечно нет, однажды я целый год скитался по городам. Без магии. Просто искал себя.

Я покачал головой. Год? Всего-то? Я посвятил этому всю жизнь и все еще себя не нашел.

А может, я искал не в тех местах?

– Слушай, Фом, а есть ли что-то за слоем неба? Ну, другие места.

Фомальгаут как-то странно на меня посмотрел и покачал головой.

>

Каф как обычно закинул голову к небу, и его пробрало неприятное ощущение. В сумерках виднелось слишком мало звезд, а в воздухе не кружила их пыль. Он поглядел на двух мужчин, но тех как будто не волновало, много ли звезд осталось на небе. А потому маг всмотрелся еще раз. Они подошли ко входу обсерватории, из окон которой странным для Кафа образом горел свет. «Слишком много света, чтобы видеть светила! – понял Каф. – Возможно, так эти жители скрывали небо от пиратов и защищали звезды? Но если они научились управлять волнами света, то почему не расскажут о своей магии всем остальным».

С каждым открытием у Кафа набирались новые и новые вопросы. Беспокойство за звезды уменьшилось. Теперь мужчина решил, что хочет познакомиться с местными магами, а потому, когда Рутгер и Даан отпустили его, он не стал убегать, а лишь постучал себя по вискам и при-

казал себе понимать язык уродцев. Его ждал первый неприятный сюрприз: татуировки заискрились по телу, но не засияли в полной мере.

Дверь открыл седовласый мужчина в очках, среднего роста и не такой большой, как двое по бокам от Кафа. Магу он сразу понравился: да хотя бы волосами, вон как они серебрились. Конечно, ни в какое сравнение с ослепительной прической Кафа.

– Обсерватория закрыта, – оглядел их седовласый и только собрался закрыть дверь, как Рутгер выпалил.

– Мы нашли этого чудика на причале. Подумали, он ваш.

– Или пришелец, – добавил неуверенно Даан.

Седовласый нахмурился.

– Вы либо разыгрываете меня, либо просто отвлекаете из-за какой-то ерунды!

Каф практически ничего не понял: обсерватория? пришелец? ерунда? Неизвестные слова перекатывались на языке, но он не мог заставить себя объясниться с седовласым. Неужели магия снова его подвела? Тогда он одновременно прикоснулся ко лбу и к губам и приказал себе мыслить и говорить на их языке. Татуировки снова заискрились но некоторые все же зажглись под одеждой. Он почувствовал их жжение по телу. Магия разлилась теплой волной по языку, окутала голову и спустилась в горло. «Хвала звездам! Теперь все сработало!» – выдохнул Каф.

– Здравствуйте, – улыбнулся он, ворочая во рту новые звуки, а Рутгер и Дан переглянулись: почувствовали себя одураченными. Седовласый мужчина лишь кивнул вместо ответа.

– Ладно, отец, извини. Мы не знали, что он местный.

– Просто странно выглядел...

– Говорил же, обкуренный.

Двое мужиков попятились назад и вскоре скрылись за кустами. Каф и седовласый рассматривали друг друга с возрастающим любопытством.

– А ты и правда странный, – пробормотал седовласый, будто только сейчас увидел другими глазами посетителя. Взгляд его зацепился за лунные глаза без зрачков. И если переливчатую кожу с волосами можно было бы легко изменить, то глаза профессора Ван Аггелена привели в замешательство.

– Подскажите, что это за место? – наконец, выдал Каф. Из всех мучивших его вопросов нужно было сначала разобраться в том, где он оказался. И насколько далеко его занесло от корабля. Эх, Толиман... Каф восхитился своим подвигом.

– Лейден, что ж еще, – выгнул бровь седовласый.

Каф перебрал в голове все знакомые ему города:

– Простите, не Лебедь?

– Молодежь, шуточки вам одни... Ладно, доброго вечера, – только профессор Ван Аггелен махнул рукой, Каф снова спросил:

– А вы знаете, в какой стороне Орион?

Седовласый замер. А затем рассмеялся:

– Орион! Спросить у меня, где Орион! Парень, ну и шутка! Да я с закрытыми глазами его покажу, – и, смахивая слезы, профессор Ван Аггелен ткнул в небо.

Каф уставился в сторону звезд и нахмурился.

– Но я имел ввиду город, – пробормотал он.

– А? Что вы сказали?

– Орион – это город, – принялся объяснять Каф, – рядом с ним Гемини, Таурус, за ним Персеус.

Чем больше он перечислял, тем шире становились глаза седовласого:

– Как вас зовут? – неожиданно выпалил профессор Ван Аггелен.

– Каф.

– Кассиопея! – всплеснул руками мужчина и будто решил на что-то.

– Да, я там родился, но в последние годы путешествовал по...

– Идемте, друг мой, сейчас вы подробно расскажете нам о своих путешествиях. Разрешите представиться, профессор Радбуд Ван Аггелен.

– Э... – Каф растерялся от такого длинного имени. – Хорошо.

-3-

– Корнелис! Бертель! Пит! Да где ж вас носит... – седовласый профессор хоть и выглядел на свои шестьдесят как одуванчик, но силу в руках имел недюжинную, а потому уверенно вел за собой Кафа по коридорам обсерватории.

Мага удивляло все: от мраморных стен и того, как местные жители заставили камень течь такими четкими волнами, до декоративных элементов, наполнявших интерьер. Ничего подобного на Люменоре он раньше не видел. Они пронеслись быстрым шагом мимо бюста так, что Каф почти что вывернул шею, заглядевшись на искусную работу. Он подумал, что здесь точно понравилось бы Альционе, сестре Мирах: строгость, жесткость линий были присущи ее характеру.

– Мы готовимся к празднику. Завтра будет день Кайзера и Каптейна, ждем гостей, вот и пришлось задержаться после работы, знаете ли, – на ходу рассказывал профессор.

О таком празднике Каф не слышал, но оно и не удивительно: столько поводов, в каждом городе могли придумывать что-то свое! Забеспокоился он о другом. На Люменоре каждый день был праздником, но никто к ним не готовился: Каф нахмурился, обдумывая услышанное и представляя сверкающие радужные улицы люменорцев в процессе подобной суеты.

Они успели пройти несколько комнат, где люди – с такой же блеклой кожей, как профессор и те двое – готовили что-то масштабное и разноцветное («Наверное забавы для детей», – догадался Каф), расставляли стулья, закрепляли большую картину с надписями на непонятном Кафу языке. Означало ли это, что он попал в место, где праздник – это не образ жизни, а нечто редкое и особенное? Эта мысль не понравилась магу.

Праздники Каф любил больше всего. Даже больше путешествий. «Нет, – поправил он себя, спохватившись, – больше всего я любил жену и наших дочерей, а все остальное лишь делало жизнь прекрасной». Его кварц остановился уже в тысячный раз при воспоминании о семье, которую он потерял.

<

– Папочка вернулся! – ко мне на встречу бежали трое, но я утонул в ее глазах. За спинами детей, пока они не замечали, она могла показать то, что на самом деле чувствовала. И мне не понравилось увиденное.

Вокруг, как всегда, был праздник, девушки порхали в легких сияющих нарядах – газовых платьях таких цветов, что радуге и не снилось, а наряд Мирах не сиял. Она будто потускнела на фоне чужого счастья, и я не заметил, когда это произошло.

Я распахнул объятия, укрыл в них девочек. Мирах так и стояла в дверях нашего дома и смотрела долгим тяжелым взглядом на меня.

>

– Бертель! Наконец-то, я вас нашел! Зовите Пита и Корнелиса! И срочно в вашу лабораторию! Жду всех там.

Ошарашенный, доктор Бертель оглядел Кафа с ног до головы: перламутровая кожа, глаза без зрачков, волосы словно ожившая радуга – задержался на татуировках незнакомца и еще шире выпучил глаза.

– Вопросы позже, Бертель, поторопитесь же! – профессор наступил на ногу замершему от шока коллеге и потянул Кафа дальше. – Не ожидали мы такого гостя прямо здесь, не ожидали, – сказал он уже тише, себе под нос.

Польщенный, Каф улыбнулся. Неужели о его приключениях слышали даже в этих грубых и блеклых краях? А если так, то что именно они знают? Его с Ригелем фокусы? То, как каждый праздник с их участием становился легендой? Или о его решении стать магом? Каф мельком глянул на татуировки, растянувшиеся по всему телу, и поморщился. Он все еще считал, что заплатил слишком высокую цену за... За что? За то, на что никто прежде не решался? За обретение надежды? Он сглотнул. Была ли разумной эта цена за невозможное, он не знал, и его жертва – изуродованная внешность – вдруг перестала быть такой уж важной. Главным было то, что звезда – душа его любимой Мирах – была рядом с ним, и теперь в его силах было сотворить для нее новое тело и вернуть ей жизнь.

По переходам и коридорам они добрались до лаборатории. Каф оглядывался по сторонам, замечая неизвестные ему устройства. Помимо компьютеров, просторное помещение наполняли всевозможные шкафы, столы с колбочками и устройствами от металлической центрифуги со стеклянным окошком до инкубаторов с неизвестными магу формами жизни. Каф замер напротив одного из них, пытаясь угадать, что там происходит и кто живет в таком странном маленьком домике.

Профессор Ван Аггелен поспешно нацепил белый халат. Через минуту Бертель ворвался в лабораторию с взлохмаченным Питом и побледневшим Корнелисом.

– Радбуд! Это шутка?

– Мы сейчас проверим, – блеснул глазами профессор Ван Аггелен. Каф рассматривал их с любопытством, не до конца улавливая смысл диалога.

Дрожащими руками доктор Бертель Аарле, не переставая бросать на коллегу подозрительные взгляды, надел маску, халат и перчатки. Профессор Ван Аггелен лишь посмеивался. Пит и Корнелис – ассистенты доктора Аарле – устроились в стороне, у одного из компьютеров, готовые помочь с расчетами.

Бертель замер возле Кафа:

– Э... Разрешите, – аккуратно взял Кафа за плечи и повел в сторону платформы с датчиками. Каф было дернулся, но увидел, что его ведут на возвышение, и подумал, что сейчас эти странные люменорцы провозгласят его главным украшением праздника и позволят надеть самые лучшие украшения. А потому он широко улыбался до тех пор, пока Бертель не приготовил электроды. «Какие создания, такие и украшения, – вздохнул раздосадованный Каф, но позволил Бертелю закрепить липкие диски с проводами на руках и ногах, – никакого блеска, никакой красоты».

– Готово? – уточнил Пит, почесывая шею от нетерпения.

– Пускай.

Каф хотел было сказать, что он всегда готов к веселью, но его тело вдруг прошиб острый, жгучий разряд такой силы, что он вспомнил, как недавно был в эпицентре тучи, спасаясь и от молний, и от пиратов. И это награда за его подвиги?

– Святые звезды! – взвыл маг и соскочил с платформы, в полете срывая с себя провода. – Что за магия тут у вас?

Он подбежал к Питу и Корнелису, уставился в монитор и замер. Пит и Корнелис, инстинктивно отшатнувшись от разъяренного пришельца, замерли вместе с ним: наблюдали реакцию. Каф пробежался глазами по столбцам и строчкам на сияющем экране, не понимая, что за магия творится в неведомом ему устройстве.

– Что там? – прошептал доктор.

Заглядывая через плечо Кафа в экран, Пит поправил очки и начал:

– Масса тела семьдесят два, вода в организме... простите... э... пятнадцать. Но как это возможно?! Минералы... – Пит на секунду остановился, сглотнул, – доктор, можно вы сами посмотрите? Я не хочу лишиться премии за то, что мне приходится озву...

Доктор Бертель Аарле без промедления рванул к экрану и уставился вместе с Кафом в расчеты. Каф хмурился. Бертель тоже. Каф не понимал заковыристых символов, но находил в них повторяющиеся элементы и пытался решить, магия какого цвета поможет ему в этом разобраться. Бертель не понимал, как при таких показателях незнакомец вообще может жить на Земле. Озадаченные, они посмотрели друг на друга. Бертель содрогнулся от пронзительного инопланетного взгляда. Каф содрогнулся от бездонных черных зрачков.

– Доктор? – подал голос Корнелис.

– Нам нужна ДНК, – оживился Бертель и кинулся за пробиркой. С нею в руках он вернулся к Кафу и приказал, – плюньте сюда.

Маг уставился на человека, как на таракана. «Дикари!» – промелькнуло у него в голове. Каждый люменорец знал, что его наполняют воды великого океана: священной жидкости, а потому плевать для люменорца было унижением еще большим, чем порча кожи. Он скривился и отвернулся.

– Пожалуйста, прошу, – снизошел до просьб Бертель, видя, что от него ускользает такой ценный шанс получить инородный материал. Более того, от него буквально ускользал шанс на долгожданную Нобелевскую премию! Не единственный, но, все же, не лишний.

Профессор Ван Аггелен ухмыльнулся. Он бережно записал это воспоминание в мысленный блокнот, чтобы однажды напомнить доктору, когда тот зазнается в следующий раз.

– Вы ведь понимаете, что воды океана священны, – наконец, произнес Каф.

– Э... да, конечно, – растерялся Бертель. Его глаза беспокойно забегали. – Поделитесь ими с нами, сделайте столь ценный подарок.

Брови Кафа поползли вверх. О таком его еще никто не просил. Означало ли это, что они признали его лучшим на празднике? Каф решил, что существа, жившие вдали от великого океана, догадывались о своем уродстве, а потому оставить им на память немного капель казалось благодатью в таком свете. Прикинув за и против, Каф все же кивнул, взял из рук доктора пробирку и подарил – какая честь им оказана! – немного слюны собравшимся.

– Прошу, – он вернул доктору. Завороженный, тот понес ее к своему столу. Все молча наблюдали за манипуляциями с реагентами и совершенно замерли, когда Бертель перенес образец в центрифугу. Спустя несколько минут, которые показались ученым вечностью, Бертель вытер капли пота со лба. ДНК Кафа отличалась от всего, что он видел прежде. Едва справляясь с волнением, доктор запустил полногеномное секвенирование, чтобы увидеть всю картину, и откинулся в кресле:

– Радбуд... Как? Где?

Профессор Ван Аггелен блеснул глазами, но промолчал, что удача буквально сама пришла к ним в обсерваторию, а профессор оказался первым, открывшим ей дверь. Он победно расплылся в улыбке:

– Дорогой Каф, расскажите, как вы здесь появились?

– Каф? – встрепенулся Корнелис, осознавая, что имя пришельца повторяло название субгиганта в созвездии Кассиопея. Перед ним уже высветились на экране результаты выделения ДНК, которые им еще предстояло расшифровать, и вместе с Питом они боялись даже предположить, что за существо сидело перед ними. Пит на всякий случай нацепил маску и перчатки по примеру шефа.

Каф же окончательно уверился, что его слава дошла и до этих темных мест, и потому светился от счастья, пересказывая историю побега от пиратов и чудесного спасения звезды. О своих магических ошибках он, конечно же, умолчал.

– Погодите, так звезды – это души людей? – встрепенулся профессор. Он едва не подпрыгивал от очередной порции рассказов гостя, проводя сравнение корабля пиратов с чудовищной гравитацией внутри с аналогом черной дыры, а чудесное перемещение Кафа в пространстве ничем иным, как созданием кротовой норы. Множество вопросов мучили Ван Аггелена,

но утверждение про души затмило их все: профессор вдруг вспомнил, ради чего он когда-то пошел в астрофизики – найти то самое место, где рождаются души. Так неужели все это время души были у него перед глазами?

Он в очередной раз пожалел об отсутствии доктора Ван дер Хейде, от которой с самого утра не было новостей. «Уж Элдрианн смогла бы очаровать этого чудака и задержать его подольше в лаборатории!» – покачал головой седовласый профессор.

– Это всем известно на Люменоре! – воскликнул Каф.

Ученые переглянулись, а Пит быстро написал название планеты в блокнот.

– И вы смогли достать... эту звезду? – уточнил профессор Ван Аггелен.

– Смог, – вздернул подбородок довольный Каф.

– Она... у вас с собой? – продолжил аккуратные расспросы профессор.

Каф потянулся к сумке. В бездонных недрах пространства он нашел ту, ради которой так рисковал, и явил ее на свет. Но вместо того, чтобы ахнуть от красоты, трое ученых лишь вздернули брови, при этом доктор Аарле едва подавил смешок. Звезды в их представлении были в разы больше планеты, на которой им повезло родиться.

Один лишь профессор Ван Аггелен молчал и хмурился. То, что показывал им Каф, не пробудило в остальных любопытства исследователей. Звезда не сияла, как прежде на корабле, и выглядела стеклянной игрушкой, пусть и весьма искусной работы. Каф забеспокоился и покрутил ее.

– Что-то не так? – наблюдая за реакциями пришельца, все же спросил профессор.

– Она не сияет. Я не понимаю. Она же сияла на корабле.

Легкая паника. Для Кафа время словно повернулось вспять.

<

Я держал ее в объятиях всю ночь – первую после возвращения из странствий – и гадал, что могло случиться в мое отсутствие. Это была самая долгая ночь в моей жизни: пропитанная отчаянием и неизвестностью. Я боялся спросить ее, почему она перестала сиять.

>

– Разрешите взглянуть? – профессор Ван Аггелен все же достал из кармана очки. С минуту он держал в руках горячий предмет с множеством острых граней. Ладони профессора вспотели от беспокойства.

– Разрешите провести спектральный анализ? – поинтересовался профессор, сделав вид, что поверил в наличие души в обычном предмете. Каф неуверенно кивнул и проследил, как профессор поместил звезду в компактный спектрометр.

Профессор взгляделся в монитор, где отобразились данные, и сглотнул, осознав, что предмет не излучает и не отражает свет, а поглощает его. «Что за шутка? – заволновался профессор, – неизвестный нам космический объект? Черная дыра в миниатюре? Аномалия?». Вслух же он постарался не выдать своего волнения и спросил невзначай:

– И вы не помните, как оказались на Земле?

– Где? – воздух в лаборатории будто потяжелел. Каф замер на мгновение, прежде чем осознать: он действительно что-то напутал с волнами пространства...

-4-

– Галактика Млечный путь, Солнечная система, планета Земля, координаты тоже могу перечислить...

Каф качнул головой. Даже зная о каких-то координатах, он все равно не смог бы ими воспользоваться. Первым желанием мага было броситься из лаборатории, вон из здания и бежать, лететь к звездам, чтобы докричаться до Фомальгаута. Или хотя бы до Альдерамина: он уже овладел магией пространства и смог бы вернуть их обоих на Люменору.

Но Каф сидел неподвижно, вспоминая, сколько оборотов сделал руками. По всему выходило, что со страха он перекрутил на добрых три, а то и четыре паса.

<

– Я разузнал кое-что у Кауса Бореалиса, – Альдерамин проводил ревизию своей бездонной сумки перед путешествием к родителям.

– У этого зазнавшегося ворчуна? – я выглянул в окно и отщипнул уву прямо с ветки: спелые, иссиня черные, его лозы вились по стенам домов и сияли магией в мягком свете звезд. Все сады друзей были пропитаны магией зеленого цвета, помогающей растениям, и я порой мечтал воссоздать тот самый сад, что был у нас с Мирах. Я поежился. Позже. Когда ее верну.

Альдерамин проигнорировал мои язвительные речи и продолжил:

– Он не был на пиратском корабле и никому не советует туда соваться, – это предостережение я уже слышал много раз, потому закатил глаза. Друг вздохнул и покачал головой, – но он предположил, что достаточно будет восьми оборотов обеими руками.

– Восьми? – подпрыгнул я. – Он что, собирается отправить меня в небытие?

– Наоборот. Из небытия тебе как раз предстоит выбираться.

Я скептически нахмурился.

– Многовато будет?

– Чтоб наверняка, – помрачнел Альдерамин.

>

Но даже если он накрутил ровно восемь, то его собственная нестабильная магия – чтоб ее! – могла запутаться в пространстве и выбросить Кафа где угодно, что и произошло.

Профессор Ван Агтелен вернул Кафу звезду.

– А где находится ваша Лю... Люменора? – ученые будто успокоились, получив образец его ДНК. Корнелис проверил, ведется ли видеонаблюдение в лаборатории – все работало – и вернулся на место. Можно сказать, они были в шаге от мирового открытия, от сенсации, от... Об остальном ему было даже страшно думать.

Каф поморщился. Где находится Люменора? Если б он знал! Для Кафа, да и для остальных люменорцев, не существовало ничего кроме их планеты. Это было началом. Это было всем: колыбелью, праздником, радостью, познанием. Маг оглядел ученых, которые отнюдь не выглядели счастливыми и беззаботными, и только сейчас заметил отпечаток усталости на их лицах – морщины. Раньше он видел морщины лишь у тех, кто собирался отправиться к камням, и принимал наличие морщин за мудрость. У этих же людей усталость впиталась в душу. «Они слишком усложнили жизнь», – вздохнул Каф.

– У нас нет всего этого, – маг махнул на компьютеры и поежился. – Мы любим смотреть на звезды, и это единственное, в чем мы действительно разбираемся.

– Мы тоже любим смотреть на звезды, – улыбнулся профессор Ван Агтелен.

– Правда? – удивился Каф. – Но там же смотреть не на что, на вашем небе.

Ученые рассмеялись.

– Это потому, что мы находимся в городе, – утирая слезы, ответил Бертель. – Но поверьте, наша обсерватория – самая старая действующая обсерватория в мире.

– В мире? – произнес Каф слишком короткое для своего значения слово. – Ваш мир такой же большой, как Люменора, и вы тоже любите смотреть на звезды?

Каф решил, что все существа во всех мирах любят наблюдать за звездами. Это казалось таким естественным и правильным, ведь красивее звезд ничего не существовало. Ну разве что Мирах, когда она подставляла лицо сияющей пыли, но сейчас она тоже была звездой. «Любимая, еще немного, и мы снова будем вместе», – пообещал он ей.

– Звезды – это наша профессия, – поправил его профессор Ван Агтелен, – я астрофизик, а доктор Бертель Аарле – астробиолог.

Каф переводил взгляд с одного мужчины на другого, слабо улавливая суть того, чем они занимались.

– В вашем мире все любят смотреть на звезды? – на всякий случай решил переспросить он.

– Ну, большинство людей чаще смотрят себе под ноги, чем на небо, – покачал головой профессор, – а изучение звезд – это скорее по зову сердца. Пойдемте, Каф. Увидите наше главное сокровище.

«Сердце? Так они здесь называют кварц?» – догадался маг.

Они поднялись в главную смотровую обсерватории с крышей-куполом. Профессор Ван Аггелен втайне надеялся, что Каф опознает звезды, которые светят на его Люменоре, что, конечно же, казалось невозможным. Но он лелеял эти юношеские мечты на протяжении всего пути и до той минуты, пока не раздвинул купол, и тогда ночное небо предстало перед ними.

– А это наш телескоп! – с гордостью продемонстрировал Бертель вытянутое конусообразное изобретение.

«Телескоп», – повторил про себя Каф.

– Так мы наблюдаем за звездами, с помощью данного устройства, – объяснил профессор, видя, что Каф не спешит заглядывать.

– Разве вы не видите звезды сами? – удивился маг.

– Некоторые мы видим, но остальные находятся очень далеко от нас, – вздохнул профессор.

– Но ведь до них можно долететь, – упорствовал Каф.

– Это займет много-много лет.

– Лет? – Каф решил, что люди просто не умеют быстро летать, – я за одну ночь могу долететь до сотни звезд. Но на небе они слишком горячие, и мы их не срываем.

Ученые замерли. Надежда, еще тлевшая в груди профессора, постепенно начала угасать. Он не мог представить себе мир с крохотными звездами, до которых можно было дотянуться рукой. И все же... Перед ним стояло существо из того мира. Профессор вздохнул:

– Наши звезды тоже очень горячие, но долететь за одну ночь до них невозможно. Понадобится сотня ночей, чтобы добраться до ближайшей к нам звезды – Солнцу. Но мы его не сможем сорвать с неба, потому что вблизи оно окажется просто гигантским.

Гигантскими Каф никак не мог представить звезды. Они бы, в таком случае, не смогли удержаться на небосводе и разорвали бы его своей тяжестью. У Кафа мурашки побежали по спине, и он постарался не думать о гигантских звездах.

– Смотреть нужно сюда, – показал профессор Ван Аггелен. – Кто знает, возможно, какие-то звезды покажутся вам знакомыми.

Ему нестерпимо захотелось помолиться, чего он не делал уже очень и очень давно.

Каф послушно пристроился к телескопу. В ограниченном секторе небо было не так усыпано звездами, как в его мире, и все же что-то бесконечно любимое и знакомое овладело им. Были ли это те самые звезды, на которые они с Мирах смотрели долгими ночами, или это сияли другие звезды – ему было все равно. Если звезды светят на небе, значит спокойно спят города. Он сглотнул.

– На город, где жила моя семья, обрушилось небо. Из-за пиратов, которые сорвали звезды с полотна.

Бертель и профессор переглянулись за спиной Кафа, который почти что растворился в звездах.

– Нам ничего не известно о таком явлении, – с сожалением заметил профессор. – Мы не так давно пришли к выводу, что Вселенная бесконечно расширяется, а термоядерные реакции внутри звезд однажды приводят их к смерти.

– Смерти звезд? – восторгнулся Каф и оторвался от телескопа. – Смерти звезд? Нет, нет. Звезды не умирают. Они продолжают сиять.

Профессор горько улыбнулся:

– Друг мой, к сожалению, мы изучили сотни и тысячи звезд, чтобы предсказать их жизнь.

– Предсказать?

Каф недоуменно вертел головой. Эти люди явно пользовались магией другого порядка. Но как ни старался Каф, он не смог разглядеть их татуировки, а потому спросил:

– И как же вы предсказываете, когда они умрут?

– Рассчитываем на компьютерах. Но наши прогнозы не всегда точны. Мы можем ошибиться на несколько миллионов лет.

– Зачем вам столько знать? – удивился маг.

– Это наша работа, – пожал плечами профессор.

Маг еще помедлил, соединяя элементы услышанного.

– Вы живете так же долго, как и звезды?

– Нет, что вы! Человек живет около семидесяти лет. Если повезет, то может и дольше. В отличие от нас, звезды живут миллионы и миллиарды лет.

Каф не знал таких чисел и вернулся к телескопу.

– Есть ли на небе хоть что-то знакомое вам? – не выдержал профессор Ван Агтелен.

Каф покачал головой.

– Что-то общее присутствует, но я не могу разгадать.

– И как же вы планируете вернуться домой? – уточнил Бертель.

– Есть один способ, – усмехнулся Каф. С него было достаточно: смерть звезд, уродливые люди, их непонятные приборы и миллионы абстрактных лет, которые им, в сущности, не нужны. Он решил не наматывать волны пространства, а схлопнуть его складки. И едва маг соединил пальцы левой руки, его татуировки наконец засияли, а профессор Ван Агтелен и Бертель вскрикнули одновременно и уставились в пустоту, где только что находился пришелец.

– Нам ведь ничего не привиделось, Радбуд? – прошептал Бертель. Он вытянул руку, пошарил рядом с телескопом на случай, если Каф стал невидимым, но пришельца действительно не было.

– Не привиделось... – профессор Ван Агтелен механически поправил очки. Пальцы дрожали. Вся его жизнь вместе с трудами Галилея и теориями Эйнштейна вдруг оказалась на развилке между реальностью и сказкой в лице мужчины с перламутровой кожей. Он вздохнул. – Что доказывает только одно: мы по-прежнему ничего не знаем о Вселенной.

-5-

<

– Этот жест – точка отсчета координат, – Фомальгаут дотронулся до моих пальцев и дал почувствовать, что именно за жест мне нужно изобразить. – Его мы применяем лишь в крайнем случае, когда хотим, чтобы желание переместиться в нужное место исполнилось немедленно и неведомо каким образом. Ты загадываешь, щелкаешь, и оно переносит тебя в желаемое место.

Я присвистнул:

– И почему нельзя каждый день так щелкать? Можно ведь не учить эти обороты, а сразу..!

Альдерамин вздохнул и покачал головой, Фомальгаут выгнул бровь и обратился к нему:

– Ты где нашел этого чудака, скажи? Я думал, что хуже мечтательницы Денеб уже никого не встречу.

– Прости, Фом. Похоже, именно нам и нужно вправить ему мозги.

Фомальгаут уставился на меня. Нехорошо он смотрел, серьезно. Что совсем было не свойственно ему. Такие взгляды всегда вызывали во мне душевный трепет: я сразу чувствовал себя маленьким и глупым.

– Уясни раз и навсегда: этот жест лишь в экстренных случаях.

– Ты ему лучше объясни, почему, – точно так же не моргая, смотрел исподлобья Альдерамин.

– Последствия твоего вынужденного перемещения могут... скажем так, перепутать реальность.

>

Каф помнил, как его прошибли мурашки при этом. Они и сейчас бегали по телу вместе с ветром, обдувавшим его со всех сторон. Он дрожал, но носом чуял знакомый запах великого океана – места, куда стекались семь рек, берущих начало от небесных водопадов. Открыть бы глаза и убедиться, что он и правда стоит на скалистом утесе позади Андромеды, да духу у мага не хватило. Так он простоял несколько минут, прислушиваясь к прибою.

Начало координат сыграло ему на руку: он не знал, как в точности вернуться на Люменору, а скитаться по чужим планетам – если таковые все же существовали, как начал подозревать Каф – не входило в его планы. Теперь же его с Люменоры никакие волны пространства не вышвырнут.

Маг задышал свободнее.

– Получилось... – прошептал Каф. «ПОЛУЧИЛОСЬ!» – прокричал он про себя.

Была ночь. В воздухе шелестела звездная пыль, Каф по привычке завихрил невесомые потоки в небольшой смерч, и тот вобрал в себя немного пыли. Маг достал из внутреннего кармана плаща колбочку и позволил смерчу опустить туда пыль – он часто делал так, собирая звездный дар про запас на случай непредвиденных ситуаций. Знал ли он год назад, что своим решением сам создаст подобную непредвиденную ситуацию? Нет, до катастрофы Каф и подумать не мог, что его жизнь может перевернуться настолько, что он будет жаждать стать магом и видеть в этом единственное спасение и своей души, и души Мирах.

<

– Я сделаюсь магом и оживлю ее! – эта мысль сильнее молнии пронизывала меня с самого утра и, добравшись до Ригеля, я вывалил весь свой энтузиазм, ожидая поддержки друга.

Но Ригель отшатнулся:

– Ты в своем уме, дружище?

– А что не так? – я знал, что именно было не так, но долго не сомневался. Да и зачем мне нужна была чистая кожа, если ее больше никто не поцелует?

– Ты в самом деле готов к татуировкам? – глаза друга бегали по мне, будто запоминали тем Кафом, каким я был в его жизни. Идеальным. С кожей ровного перламутрового цвета без единого шрама или пятна; с серебристыми волосами, собравшими все оттенки радуги и сохранившие мягкость сияния при этом, что считалось на Люменоре изысканным сочетанием.

– Готов. Я все обдумал. Я не хочу жить без нее.

– Но ты станешь изгоем! – эта фраза Ригель закончил на полупшепоте.

>

Воспоминание нежно нашептывало «Ты станешь изгоем», будто старалось поцарапать его сознание, но Каф оставался к нему равнодушным. Спустя полчаса он добрался до Андромеды. Пешком. Без помощи магии. Каф будто настраивался на место и размышлял, в каком из домов получится провести воскрешение души.

Город раскинулся перед ним во всем своем пестром великолепии. Утопающие в растительности широкие улицы были пропитаны звездной пылью, тысячелетиями опадавшей на землю, а потому мерцали даже ночью в едва уловимом свете. Каф брел по ним и незаметно для себя сравнивал пеструю флору своей планеты с той, которую недавно покинул. Глаза цепля-

лись за привычные коралловые кусты, за раскинувшиеся над крышами кроны больших тилий – их длинные полупрозрачные листья трепетали от ветра словно плащи странников в ненастье. Деревья пониже – ветвистые керцусы с бордовыми листьями и мощные платанусы с пятнистой корой – создавали особую живую тишину.

Ажурные дома – подобные образам воздуха и воды в застывшей форме – люменорцы украшали по зову фантазии. В основном это были расписанные или увитые растениями фасады, но среди них встречались и сложные работы: Каф особенно любил один дом, инкрустированный жемчужинами – плодами, что давало дерево саликамия. Были тут и дома, покрытые чешуей: так некоторые консервируют листья в растворе со звездной пылью, а затем ряд за рядом выкладывают на стенах.

Их с Мирах дом тоже был своего рода достопримечательностью: Каф однажды раздобыл клейкий сок алориуса и покрыл им весь фасад и крышу. Той же ночью звездная пыль прилипла и впиталась, и наутро дом сиял ярче всех. Каф задушил воспоминания, не позволяя себе в них провалиться. Скоро он оживит любимую, построит для нее новый дом и... Он в сотый раз проверил нутро сумки, чтобы убедиться, на месте ли звезда. Она была на месте, но успела остыть.

– Еще чуть-чуть, и мы встретимся, – прошептал он ей.

Каф знал несколько домов, где можно было остановиться путешественникам, но таким, как он, в городах были не рады, поэтому маг, не снимая плаща, чтобы не выдать свои татуировки, решил проверить несколько заброшенных домов.

В первом явно кто-то обитал: Каф понял по порядку, царившему на первом этаже. Окна были почти у всех распахнуты: сезон влажных ночей был в самом разгаре. В такое время звездная пыль почти не летает по воздуху, а сразу прилипает к телу, домам, растениям, а потому собирать ее бессмысленно, если только не обладаешь магией.

Во втором неприметном доме – тоже на окраине Андромеды – ему повезло. Его встретила тишина. Но встретила приветливо, даже смущенно: в доме было чисто, а мебель оставалась целой. «Здесь жили маги!» – не поверил глазам Каф, когда понял, что внутри дом гораздо просторнее, чем казался снаружи. Он нашел на втором этаже спальню, окна которой выходили во внутренний сад. Но на всякий случай закрыл их, как запечатал магией и все двери в доме: не нужны были ему случайные гости.

Маг замер посреди комнаты. Время будто остановилось. У него во рту вдруг пересохло и нестерпимо захотелось пить. Пора было приступать, а Каф все медлил: рваные частые выдохи и вдохи говорили о том, как он на самом деле волновался. Небо упало на город год назад. И сейчас, измученный, но получивший магию, одинокий, но не перестававший любить, Каф признался себе: Мирах не хотела бы возвращаться ни к нему, каким он был до катастрофы, ни к тому мужчине, в которого его превратил этот год. Но отпустить мысли о ней и возможность встретиться вновь было выше его сил.

Он смотрел на чужую убранную постель (и хорошо, что город был погребен под слоями неба, иначе бы он провел у подножия их постели вечность и еще немного), а слезы нависли под глазами. Моргнул. И капли оставили влажные дорожки на щеках.

«Я стану достойным ее любви», – пообещал себе маг.

Он опустился на колени, достал драгоценную звезду из сумки и пристроил на подушке. Магия творения принадлежала седьмому – фиолетовому – цвету, который наносился последним слоем. «А лучше бы первым!» – это все, что нужно было Кафу – способность оживить жену.

<

– Сегодня наносим финальный цвет, – Фомальгаут уже приготовил иглы, красители и звездную пыль.

«Наконец-то», – выдохнул я и покорно лег на мягкую скамью, обитую черной тканью.

– *Каф, мне не нравится, как зажил синий, – нахмурился он, осматривая татуировки. Мне тоже, звезды задержите меня, не нравилось! Вместо однородного цвета получилось месиво, каша. Но я уже не мог отступить. Я и так выждал дополнительную неделю по просьбе Фома.*

– *Просто сделай, что нужно, – просипел я и прикрыл глаза, чтобы не видеть переживания друга, а потом отдался боли.*

>

Но без других цветов было бы сложнее, Каф это понимал, а потому мысленно поблагодарил Альдерамина и Фомальгаута за все, что им пришлось вытерпеть.

«Или сейчас, или я уже никогда не наберусь смелости», – обреченно подумал Каф. Он начал водить руками, формируя объем. Татуировки мягко засияли. Фом однажды показал эти пасы, но на практике они их так и не испытали. «А зря... Хотя бы растение додумались сотворить!». Создать объем было не так легко, как казалось магу. Плоть плыла под пальцами, как воск, будто помнила иную форму. Каф напряженно вытягивал каждый элемент тела, тяжело дыша: форма для правой руки, форма для левой. И лишь потом детали и очертания.

Каф помнил каждый изгиб жены, каждую тонкую линию, нежные впадины и перламутровые переливы. Но повторить их оказалось не так просто. Маг ругал себя за топорность: тонкие длинные пальцы Мирах никак не получались. Он едва не плакал над телом, признавая, что не повторит все в точности так, как было. И лишь надежда поддерживала его. Он повторял себе, что торопиться некуда. Он убеждал себя, что лучше лишний час потратить на ее изящную руку, чем потом остаться недовольным своей работой. Но едва рука получилась такой, как он мечтал, мужчина не выдержал, зажмурился и приложил губы к костяшкам пальцев. Долгожданный поцелуй вернул ему силы. Каф вспоминал, как увидел ее впервые, стоя по колено в воде: парни и девушки, готовые к созданию пары, приходили ежегодно к одному из семи водопадов.

<

Мне было некомфортно раздеваться у всех на виду, но того требовали правила. Раз уж пришел найти пару – нужно быть открытым душой и телом. Здесь собрались десятки девушек и еще больше парней. Не хотелось остаться одному, но и соединяться с первой встречной я не собирался.

Вода была прохладной. Не удивительно, раз она текла прямо с неба. Я смотрел по сторонам и медленно, шаг за шагом, погружался в реку. Все были заняты примерно тем же. Мимо меня прошли две девушки, в чьих волосах запутался радужный желтый цвет, бросили любопытный взгляд и отвернулись, хихикая.

Кто-то уже нашел пару и вместе они шли к водопаду, чтобы пройти сквозь его священную воду. Счастливики!

Я почувствовал кожей чей-то пристальный взгляд и обернулся. Мирах стояла по щиколотку в воде, а длинные светлые волосы прикрывали ее грудь. Но всего этого я не видел, потому что потерялся в ее глазах. Они были чуть темнее обычного лунного, и я понял, что уже не забуду ее взгляд.

Мне казалось, что я бы так и простоял там, созерцая ее. И слава звездам, она первая решилась подойти...

>

Каф вздрогнул от силы воспоминания. Ладони, лежавшие на животе и груди холодной копии, задрожали. «Нет, не копия. Мирах вернулась и скоро оживет!». Воссоздать ее тело – неповторимое, но навсегда впечатавшееся в память рук, глаз и мыслей – возможно и было преступлением против их сущности, но по-другому Каф уже не мог. Постигший магию творения – высшую и сложнейшую – не остановится, пока не вернет к жизни свою любовь.

Он замечал, что какие-то изгибы стали другими, что в уголках рта появилась жесткость, с которой Мирах провожала его в последний раз. Он не смог сделать губы мягче, сколько бы не пытался.

Уже светало, когда Каф, уставший и с попеременно моргавшими от напряжения татуировками, склонился над телом, еще не ожившим, но таким знакомым. Она не была Мирах у водопадов. Она была той Мирах, которая прошла с ним долгий путь и не отвернулась от него. Каф понимал: магия сработала неидеально. Глаза у мага слипались, но оставался еще один этап. Он взял с подушки звезду, положил ее на грудь женщины, достал звездную пыль из колбочки и посыпал: теперь душа должна была соединиться с телом под его чуткими манипуляциями.

Каф замер, вытянув руки над звездой. Закрыв глаза и, направляя силу вниз, сливал душу и тело в единое целое. Он знал, что звезда должна была впитаться под кожу, но не мог открыть глаза, чтобы проследить за слиянием. Фомальгаут предупреждал, что этот момент он должен почувствовать. А момент все не наступал. Каф продолжал испускать силу, надеясь, что все делает правильно. Татуировки начинало жечь: усталость давала о себе знать, а значит, и магия становилась еще более неуправляемой. Когда кварц в груди дрогнул, а руки вмиг ослабели, он решился открыть глаза.

«Что? Нет! Нет нет нет!» – запаниковал маг. Мирах, белоснежная, с перламутровыми идеальными переливами на коже. Но волосы... Ее волосы каким-то образом из светлых радужных стали черными, хоть и по-прежнему сияющими, будто звездная пыль сыграла злую шутку над ними.

– Мирах... Что я наделал... – он трогал прядки и ругал себя за все: за то, что покинул ее и детей, за то, что сотворил с собой, за то, что ошибся и с ее образом.

«Звезды, как я могу исправить ошибку?» – взмолился маг.

Но звезды не успели ответить: женщина открыла глаза.

– Мирах, – выдохнул Каф, чувствуя, как мурашки побежали по всему телу, – любимая, с возвращением.

Он смотрел на нее с нежностью, с ожиданием того, что она сразу же его простит или хотя бы обрадуется встрече. Но Мирах испуганно уставилась на мужчину, будто и не узнавала его вовсе. Оглядев спальню, она подняла руку и вздрогнула, увидев цвет своей кожи.

– Мирах? – неуверенно улыбнулся Каф.

Она вернулась взглядом к незнакомцу, покачала головой и приложила руку к груди:

– Элорианн.

-6-

Глубокий голос, непохожий на звонкое пение Мирах, единственным словом разбил надежды мага. Каф отшатнулся и замер, пытаясь понять, на каком этапе произошла подмена. На пиратском корабле он вытянул не ту звезду? Звезду кто-то похитил и подменил, пока он был без сознания на Земле? В лаборатории? Магия перемещения сработала с тем самым необратимым нюансом?

Элорианн, боясь пошевелиться, наблюдала, как незнакомец пытался сдержать свои эмоции, как в итоге рассыпался незнакомыми словами, встал, заорал в пустоту, обращаясь к невидимым силам и хлопнул дверью. По тому, как прогрехотали его шаги по лестнице и звуки рассеялись где-то внизу, женщина поняла, что лежала в комнате на втором этаже. Она села, все еще не понимая, что произошло.

Еще утром Элорианн Ван дер Хейде собиралась на работу. Вспомнила, что дома ей внезапно стало плохо, и она упала на пол. А дальше тьма. И вот сейчас – ее руки дрожали в чужом теле и, чувствуя, что паника близко, Элорианн сделала несколько глубоких вдохов. Не помогло: голова закружилась, и ей пришлось лечь обратно. Подушка была влажной, пахла солью и замершим в спальне временем. И лежала она совершенно обнаженная, будто ее только что воскресили на алтаре, хотя вокруг не было ни свечей, ни крови, ни... Элорианн задушила всхлипы: не сейчас, когда ей нужно быть сильной и спасти свое ставшее блестящим и чужим, но все же сохранившее жизнь и красоту тело. Она подтянула ноги к груди и попыталась принять стран-

ные факты: новая жизнь, незнакомое место и тело явно инопланетного происхождения. Онемевшая, она уставилась в потолок невидящим взглядом.

<

– Элорианн, мы ученые! Верить тому, что где-то есть жизнь, подобная человеческому сознанию – детские сказки! – мы сидели с профессором Ван Аггеленом у телескопа, как это было заведено по пятницам. Никто не спешил домой: я – молодая женщина, посвятившая жизнь науке, и седовласый профессор, чья единственная дочь переехала в Амстердам и лишь под Рождество навещала в Лейден.

– Вы меня не переубедили, профессор! Предлагаю спор!

Он почесал нос и хитро улыбнулся:

– Вообще-то я тоже верю в сказки, моя дорогая! А значит, спорю на то, что где-то там, – он махнул на небо, – найдутся загадочные формы жизни. Не такие умные, как мы с вами, разумеется, но... – он многозначительно подмигнул.

– На пятьдесят евро? – я отхлебнула почти остывший чай. Пора было собираться домой.

– Спорим! Я в любом случае выиграю: либо окажусь правым, либо получу деньги.

>

Разговор об инопланетянах и дружеский спор напомнили, что теперь Элорианн, судя по всему, должна профессору деньги. Но способ вернуть долг оставался загадкой. Женщина решила выяснить, где все-таки она оказалась: одно дело проснуться в чужом теле на Земле (она понадеялась, что ее измазали специально), и совсем другое – на планете, населенной такими же сияющими красавцами. И что-то недоброе подсказывало ей, что второе предположение окажется верным.

Почему она вдруг проснулась здесь, в явно заброшенном доме, обнаженная и... перламутровая? «Переселение душ? Чушь! Такого не бывает», – подумала женщина. Это нервное отрицание заставило ее действовать.

Для начала, ей нужно было найти одежду. Элорианн еще при беглом осмотре заметила шкаф: из неизвестной породы розового дерева, с резными дверцами, на тонких ножках – он был произведением искусства. Элорианн на мгновение залюбовалась созвездиями и обрадовалась, обнаружив знакомый пояс Ориона, но почему-то без соседней Беллатрикс и с лишней звездой по центру. Остальные созвездия были либо искажены, либо имели больше звезд, чем нужно.

Распахнув дверцы (протяжно скрипнули, но показали спрятанные сокровища), Элорианн ахнула: шкаф был забит полупрозрачными платьями. Воздушные и цветные, они скорее подходили лесным эльфам или морским нимфам, чем ей, привыкшей к деловым костюмам и теплым свитерам. Элорианн порылась в шкафу в поисках менее нарядного образа, но не нашла ничего комфортного: перчатки, чулки, вуали – все было соткано из легчайших тканей и могло удовлетворить даже запрос королевских особ.

«Ну не ходить же мне голой?» – сдалась женщина и выбрала самое закрытое из имеющихся платьев насыщенного фиолетового цвета. Все остальные светлых и жизнерадостных цветов она проигнорировала. Нижнее отделение шкафа занимали обувь и украшения. И это зрелище вызвало вторую волну восторга. Мягкие удобные остроносые мюли с вышитыми блестящими то ли камнями, то ли минералами оказались тем, о чем втайне всегда мечтала Элорианн. Но ритм ее жизни и профессия требовали быть серьезной, практичной и – женщина вздохнула – сильной, устойчивой. Успешная и яркая женщина в мире астрофизиков по-прежнему вызывала в мужчинах зависть. А зависть приводила к вечной критике и осуждению ее научных работ.

«Хотелось бы увидеть их лица, когда они узнают о существовании инопланетян!» – рассмеялась Элорианн, и от этого ей стало легче. Если жизнь преподнесла ей взрывное науч-

ное открытие – существование внеземной цивилизации, – нужно его исследовать, как ученая. Оседлав знакомую волну, она с предвкушением забралась руками в ларец с драгоценностями: цепочками сияющих минералов, диадемами, кольцами, плетеными шапочками со струящимися нитями, которые ей сразу же захотелось вплести в косы. Элорианн при первой же возможности хотела увидеть себя в зеркале и оценить новую внешность. Но темные и густые волосы, переливавшиеся радугой, ее уже очень и очень радовали.

Собрав сияющий образ, Элорианн вернула остальное в шкаф. И вздохнула. Ей предстояло выйти во внешний мир. Она не имела ни малейшего представления, каким он окажется. И чтобы было не так страшно, женщина подошла к окну и приоткрыла ставни из того же розового дерева. Стекол на окнах не оказалось: морской воздух ворвался в комнату и наполнил ее звездной пылью. «Какая красота!» – восхитилась Элорианн. Будучи в теле инопланетянки, она не боялась того, что подобные частицы могут навредить ей. Но ученый в ней неистово хотел исследовать состав сияющего воздуха.

Был день, и первым, на что обратила внимание женщина, было небо. В оттенки голубого неизвестный художник вмешал и розовый, и желтый, и бирюзу, но ярче всего сияли звезды, будто планету окружали миллиарды галактик, которые неизвестным для нее образом были видимы днем, а не ночью. Элорианн не знала, сколько времени простояла, купаясь взглядом в глубинах небосвода, пока ее не вывел из раздумий шум просыпающейся улицы.

Люди. Элорианн вздрогнула от вида сверкающих существ, которые шли по своим делам в нарядных легких платьях. «Декорации. Это все декорации!» – Элорианн сглотнула страх, но он так и не исчез.

В расплывающемся от паники сознании ей удалось разглядеть дома, утопавшие в неземной растительности. «Неземной... Хотя очень похоже на работы художников-фантастов», – присмотревшись, она поджала губы и сделала несколько глубоких вдохов: место было не декорациями и не съемочным павильоном. За каждым домом раскинулся сад, типичный по всем признакам сад с фруктовыми деревьями и растениями, но этот сад был на совершенно диковинной планете. Больно. Элорианн не заметила, как впиалась пальцами в ставни. Слезы просились пролиться, но ученая никогда не шла на поводу своих чувств, сморгнула слезы и выпрямилась. Она старалась оттягивать это знание, не подпускать его к себе близко. Но вид из окна оборвал все надежды, все ниточки, связывавшие ее с Землей. Она была на другой планете, затерявшейся где-то на просторах Вселенной. Да так глубоко и далеко, что земным ученым не удалось пока ее обнаружить.

«Господь... Если ты существуешь... Просто помоги мне», – она закрыла глаза, собираясь с силами.

<

– Как можно верить в то, что Всевышний создал миллиарды звезд и планет за семь дней?

Алейда, моя подруга и учительница воскресной школы, укоризненно взглянула на меня и покачала головой.

– Анни, – она любила называть меня христианским именем, от которого я лишь морщилась, – речь идет только о нашем мире, о Земле, луне и солнце, понимаешь?

– А все остальное он создавал следующие миллиарды лет или Землю сотворил в последний момент, ну чтобы просто хоть где-то кто-то жил? – да, я любила задавать ей неудобные вопросы. А она не теряла надежды переманить меня на свою сторону. Но в этот раз Алейда глубоко задумалась.

– Если мы – венец его творения, то у Бога должен был накопиться большой опыт в создании других планет, прежде чем приступить к созданию Земли.

Я вздохнула. Она снова выиграла, придумав ответ на абсурдный вопрос.

>

Элорианн заперла окна. Нужно было исследовать дом и место, в котором она оказалась. И где-то добыть еды, потому что желудок (или что-то аналогичное ему) отчаянно напоминал о голоде.

Помимо комнаты, в которой ее оживили, на втором этаже оказались еще четыре спальни и три пространства с большими каменными купелями. Элорианн никак не могла назвать это обычными ванными, какие были на Земле. Инкрустированные минералами, с тонкой резьбой или расписанные – можно было выбрать на любой вкус – все они были удивительной красоты. «Здесь роскошь – это часть жизни...» – заметила женщина, пробегаясь пальцами по каждому произведению искусства. Коридор был расписан под звездное небо, и что самое приятное: подсветка в виде маленьких точечных огоньков (не ламп, как выяснила гостья с другой планеты) создавала приятный, но достаточный для перемещения полумрак.

Когда она спустилась на первый этаж по лестнице, увитой подобием земного плюща, только розового цвета с голубыми прожилками, то обнаружила большое открытое пространство с круглым столом, диванами со спинками и без, с креслами и оттоманками, с подушками всевозможных форм и расцветок. Было заметно, что люди давно не собирались здесь большими компаниями: дом был тихим и молчаливым.

«И ничего похожего на кухню», – нахмурилась Элорианн. Она задумалась, чем же питались местные существа. В шкафах и на полках женщина обнаружила лишь большие блюда и тарелочки разных форм. Было похоже, что здесь ничего не готовили.

Из гостиной вели две двери. Обнаружив, что первая заперта, а окна с ее стороны выходили на улицу, Элорианн проверила вторую дверь: та вела в сад. От танца звездной пыли среди диковинных растений у женщины захватило дух. Деревья мерцали и подпевали ветру шелестом листвы. Цветы сияли то ли магией, то ли своим естественным импульсным светом, а едва Элорианн захотела дотронуться до одного, тот закрылся и погас, не признавая в ней хозяйку дома.

Зато тяжелые плоды глянцевого сливового цвета размером с ладонь так и просили их сорвать. Будь Элорианн человеком, она бы не рискнула есть что-то незнакомое на чужой планете. Но, доверяя своему чутью, женщина смело сорвала фрукт и укусила. Потек сладковатый подобно молоку сок, а горькая кожура добавила контраста. Она прикрыла от удовольствия глаза. Вкус был не просто новым. Он разливался по телу ощущением сытости и безопасности, которой Элорианн не испытывала очень давно. «Что ж, знакомство с планетой проходит неплохо», – старалась во всем себя подбадривать. В работе ученого это было особенно важно: результата можно не видеть месяцами, а то и годами, и весь путь проходилась буквально на ощупь – оттого и нужно было замечать даже малейшие детали.

Утолив голод, Элорианн поняла, что готова исследовать сад. Здесь было достаточно места, чтобы затеряться: широкая дорожка разделялась на три и ввела в лабиринт растительности. Оглянувшись на дом, женщина удивилась: снаружи это был маленький невзрачный дом, явно заброшенный. И о сохранившихся внутри богатствах ничего не говорило случайному зрителю.

«Что за существа тут жили раньше?» – поразила ее. Выбрав левую дорожку, Элорианн заметила, как с ветвистого дерева вспорхнуло нечто, похожее на птицу, но скорее напоминавшее цветную голограмму. Прозрачный, будто фосфор, отдающий свет, длиннохвостый аист растворился в ночи. Женщина подивилась увиденному. «Странная форма жизни», как ее окрестила ученая, ставила ее предположение в один ряд с паранормальными существами вроде призраков и других сущностей, а уж это Элорианн никак не могла принять за реальность. «Неужели я сплю?» – надежда зажглась, засияла и отмела все страхи. «Ну конечно, все это просто оживший кошмар и нужно просто насладиться прогулкой, а потом вернуться в свою любимую жизнь!»

Прогулка по саду заняла весь день. Ей не хотелось покидать безлюдное место: нужно было обдумать свое положение и найти в себе силы, чтобы привыкнуть к странному месту. Эло-

рианн нашла и музыкальную беседку с неизвестным струнным инструментом, и зону отдыха с креслом-качалкой, ковром и подушками. Но больше всего ее поразила личная смотровая площадка: хозяева изобрели подобие телескопа, чтобы наблюдать за звездами, и именно здесь Элорианн не смогла сдержать эмоций и разрыдалась: так она скучала по Земле и всему привычному, что наполняло ее мир.

Она пожалела, что не взяла с собой блокнот, хотя ничего похожего ей не повстречалось в доме. И все же ученый азарт погнал ее исследовать созвездия и составлять по памяти местную карту неба. Было бы совсем хорошо, если бы кто-то поделился с ней названиями, которые успели дать звездам эти перламутровые создания.

Тот самый искаженный Орион уже не казался ей странным: Элорианн понимала, что смотрит на другое созвездие с другой точки в космосе. И мозг ее лихорадочно работал, пытаясь найти способ, как вычислить среди миллионов огней, заполнявших небо, галактику Млечный путь. Она желала бы не тратить месяцы на математические расчеты, но понимала, что без них не обойтись, если только местные существа не изобрели телепортацию. Но даже если она найдет Солнце, как она вернется в таком виде? «Здравствуйте, профессор, это новая я»? Ее быстро изолируют и подвергнут всевозможным исследованиям, это Элорианн понимала, как никто. «Хоть бы это все было сном!» – молилась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.